

М. А. Моратинос Куйяубе¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ, ВЫЗОВЫ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Смена столетий — всегда очень сложный период, время брожения и смятения. Прошлое уходит, приходится смотреть в неопределенное будущее и *строить* что-то новое, однако неизвестность порождает неуверенность и панические настроения.

В такие дни мы рисуем в воображении будущее и отказываемся от старых привычек и практик, чтобы адаптировать наше мышление и действия к новому образу жизни². Это всегда трудные времена. В данном контексте китайская мудрость, выраженная в поговорке «*Каждый кризис — это новые возможности*», становится первым вызовом, с которым приходится сталкиваться. Если *кризис — это новые возможности, то да здравствует кризис!* При условии, что новые возможности, которые открываются в эти сложные времена, определены и расширяются.

Ответ на вопрос «Куда идет мир?» далеко не прост, потому что сегодня мы живем в глобальном, неопределенном и сложном мире. История всегда говорила о его конце, в то время как он следует своим курсом. Нас ожидает смена эпох, многие рассуждают о новой парадигме, которая, несомненно, выведет на первый план новые ценности и образ жизни, понимание и организацию мира. Упадок традиционных систем в XX веке, появление новых реалий и вызовов не только требуют организации глобального упорядочивания, но и основательного пересмотра политических, идеологических, социальных и экономических подходов, а также признания нового политического субъекта-объекта, который требует свободы и равенства при участии во всех процессах, а также выступает за рациональное использование ресурсов планеты и экологическую безопасность.

В настоящее время отсутствие новых идей и настойчивость в продвижении устаревших³ вкуче с от-

сутствием лидерства мешают приходу новой эпохи, вместе с которой, как гласит история, должны появиться новые идеи, направления мысли и политические действия. Либерализм и социальная демократия пребывают в кризисе, в то время как неравенство усиливается, не встречая противодействия, и ведет к появлению асимметричных систем, в которых исчезают демократические принципы и свободы, насаждаются завуалированные интересы и страдают граждане многих государств, потерпевших неудачу.

Противоречие между концентрацией и фрагментацией власти вместе с кризисом национального государства и необходимостью реформы международной институциональной системы вызывают недовольство глобализацией⁴, которое нарастает и распространяется через социальные сети, формирующие умонастроения, мнения и социальную мобилизацию. Появление так называемых популистских движений — это следствие сложившейся ситуации. Великая рецессия усилила напряжение между новым и старым, между нарождающимся миром и миром, с которым мы прощаемся, она уничтожила миллионы рабочих мест, так что миллионы граждан перестали относиться к среднему классу, и этот факт указывает на возобновление классовой борьбы. Пропасть между финансовой и реальной экономикой никуда не делась, а углубление неравенства и недоверия усилило напряжение, сопутствующее переходу к новой эпохе, который многие авторы называют системным кризисом или кризисом ценностей. В предстоящие годы геополитика⁵ и построение новой эпохи будут зависеть от взаимодействия в этих областях.

Мир перед лицом перемен

История мировой эволюции демонстрирует, как крупнейшие научные открытия радикально изменили эволюцию человечества. *Наука* всегда лежала в основе важнейших исторических перемен, особенно после того, как вышла из лабораторий и стала прикладной. Ускорение перемен еще сильнее и более очевидно в тех обществах, где происходит рост и развитие нау-

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Кризис на Ближнем Востоке», «Мир в эпоху устойчивого развития», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста Земли Марии I-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Кудс (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

² Hernández E. El fin de la clase media. Madrid: Clave Intelectual, 2014. P. 38. We must be aware that the struggle between the old and the new takes place, first and foremost, inside ourselves.

³ Пол Кругман называет их «зомби-идеи».

⁴ Stiglitz E. J. El malestar en la globalización. [Globalization and its Discontents]. Madrid: Taurus, 2002.

⁵ Sapiro R. J. 2020: Un nuevo paradigma. Cómo los retos del futuro cambiarán nuestra forma de vivir y trabajar. Barcelona: Ediciones Urano, 2009. Tendencias. P. 15. Эти изменения, их комбинации и взаимодействия серьезно повлияют на курс, которым пойдут основные страны, и на обычную жизнь их граждан, и ни одна страна, и ни один человек не смогут избежать их последствий.

ки. В этом смысле, как указывает Г. Моргентау в эссе «Международная политика», «вера в науку была одним из главных выражений этого направления мысли в XIX и XX столетиях. Эта вера в науку является одним из свойств разума, которые отличают нашу эпоху от предшествующих. Несмотря на различия, существующие в философской, экономической и политической мысли, можно наблюдать определенное единство вокруг идеи, что наука может, по крайней мере потенциально, решить все человеческие проблемы...»¹.

Спор между наукой и философией не стал чем-то новым. Но в наше время науке, поддерживаемой ускоренным совершенствованием и внедрением современных технологий, удалось обеспечить преимущество научно-технического прогресса, в ходе которого машины все чаще выполняют функции человека, роль которого вскоре будет ограничена простым наблюдением и потреблением, в то время как реальность будет контролироваться и управляться лишь немногими.

Ощущение ускорения жизни и событий, а также взаимозависимость и *редукция* пространства, в котором существует человек, заставляют нас чувствовать, что в настоящее время все происходит значительно быстрее и во все более переменчивом и уменьшенном пространстве. Ничто из происходящего на расстоянии в тысячи километров не является для нас чужеродным. Любое событие, каким бы мелким оно ни было и как бы далеко от нашего местоположения ни происходило, рано или поздно как-то повлияет на нас.

Новая, третья промышленная революция, объявленная Джереми Рифкином, разворачивается через новые источники энергии и средства связи, которые изменят способ организации экономической, социальной и политической системы этого столетия. И все эти изменения происходят в мире, где продолжается демографическое давление, поскольку самыми важными характеристиками роста населения являются скорость и интенсивность. Мы знаем, что, как Джеффри Сакс отмечал в своей книге «Эпоха устойчивого развития»², численность человечества (как и подушевой доход) очень мало менялась на протяжении истории, оставаясь на уровне примерно 1 млрд человек на протяжении столетий перед началом промышленной революции. Как и в экономике, начался экспоненциальный рост населения, который еще не закончился, так что с 1 млрд человек в 1820 году оно возросло до 7 млрд в настоящее время. Самый важный факт заключается в том, что последний миллиард жителей добавился к 6 млрд, зарегистрированным в 1999 году, за 12 лет. По всем прогнозам, примерно в 2025 году мы достигнем численности в 8 млрд человек, а после 2040 года — более 9 млрд. Эти цифры позволяют рассматривать демографическое давление как одну из важнейших переменных, которую следует учитывать при рассмотрении пределов природных ресурсов, что Сакс называет «*планетарными границами*».

Устойчивое развитие в масштабах планеты будет зависеть от того, достигнет ли мировое народонаселение цифры в 9 млрд человек, поскольку оно вполне может достигнуть и 10 млрд, сколько от того, произойдет

ли стабилизация демографической экспансии в середине столетия или нет.

Наука перед лицом нового века

Я считаю, что история движется к более высоким уровням прогресса и благоденствия, и они в основном достигаются благодаря новым научным открытиям. В этом смысле последнее столетие принесло нам ряд изобретений, которые фактически изменили поведение и социальную активность. Как и до того, транспорт и связь были необходимы новому поколению перемен. Все более очевидно, новый мир открывает новые возможности в космосе. В своей книге, написанной совместно с Шимоном Пересом, Жак Аттали говорит, что *космос кажется мне одной из областей, в которой глобальное регулирование все еще может развиваться и достичь успеха*³. *Вокруг Земли летает около 2500 искусственных спутников, и до 2020 года планируется вывести на орбиту еще 1100, таким образом, космос может стать средством защиты для Земли или предложить новые возможности решения проблемы ограниченности запасов полезных ископаемых, источников энергии или пространства для жизни. Освоение космоса вполне может стать следующим этапом контроля или доминирования человечества. Аттали считает, что космос может стать новой границей для человечества.*

Время, движение, путешествия больше не имеют своего традиционного значения, и мы все можем их испытать на себе естественным образом.

Вместе с тем сама по себе революция в авиации заставляет нас преодолевать барьеры расстояний, и благодаря самолетам и высокоскоростным поездам мы невероятно приближаем различные места или пространства.

Прогресс затронул не только индустрию связи и транспорта, но и такие области, как медицина и биология. После открытия Александром Флемингом пенициллина и потенциала антибиотиков в 1928 году началась разработка новых лекарств и впечатляющее снижение смертности. 18 августа 1960 года также стало памятной датой, поскольку в этот день появился первый оральная контрацептив — событие, до сих пор оказывающее влияние на общество. Впервые в истории женщины получили возможность планировать рождение детей, что позволило им массово получать высшее образование и выходить на рынок труда. Таким образом они перестали быть заложницами своей сексуальности и радикально изменили свою роль в обществе⁴. Сегодня исследования рака и ВИЧ дают надежду на победу над этими болезнями в будущем, которая, несомненно, будет одержана в ближайшие десятилетия.

Параллельно с медициной наблюдается прогресс и в биологии, краугольными камнями которой сегодня являются генетика и открытие структуры ДНК. Здесь мы только в начале пути, впереди еще много исследований, связанных с этими дисциплинами. Теперь мы знаем наш генетический код, как и код многих других

¹ Morgenthau H. J. Essay on international politics.

² Columbia University Press, New York.

³ Avec nous, après nous. Editions Bakerstreet Fayard.

⁴ Последняя редакция от 18 августа 2014 года.

животных, растений и продуктов питания. Этот прогресс позволяет нам изучать строение организмов и защищать свое здоровье. Поэтому можно сказать, что он был достигнут не только ради продления жизни людей, но и для того, чтобы мы могли понять, чем жизнь человека отличается от остальной жизни на планете.

Бывший президент Израиля Шимон Перес считал XXI век *веком головного мозга*, поскольку до настоящего времени наше отношение к нему проецировалось наружу. Платоновская аллегория пещеры и сложившиеся представления подпитывали наше мышление и действия на протяжении многих веков — до недавнего времени, пока головной мозг был неизвестной и опасной областью. Кроме нескольких попыток проведения трепанации медиками эпохи Возрождения, нейрофизиологи соглашались только подтвердить свои ограниченные знания, когда дело доходило до исследования этой мягкой и вязкой массы. Однако в настоящее время благодаря новому трехмерному радиологическому оборудованию начинается открытие функций и реакций, которые изменят привычки и практики людей. Мы станем в большей степени индивидуалистами и интровертами, будем все чаще обращаться внутрь себя, а окружающая реальность, как сказал бы Ортега-и-Гассет, станет нашим *обстоятельством*.

Все это подтверждает, как говорил Шимон Перес, что *головной мозг — это самый поразительный орган во Вселенной, и его исследование заслуживает того, чтобы приложить все возможные усилия*. В нем находится ключ для лучшего управления нами самими и даже имеются ответы на вызовы Вселенной, которые люди до настоящего времени не смогли понять. Исследования в рамках проекта «Изучение мозга через продвижение инновационных технологий» нацелены на составление карты мозговой деятельности до 2023 года. В головном мозге от 85 до 100 млрд нейронов, и он все еще плохо изучен.

Технологические изменения и усовершенствования переплетаются и позволяют идти вперед темпами, немислимыми всего десять лет назад. Наше существование и реальность изменили нанотехнологии, биотехнологии, синтетическая биология, 3D-принтеры, Интернет вещей, робототехника и искусственный интеллект.

Говоря об этом прогрессе, мы не должны забывать о синтетической биологии, которая, воздействуя на развитие человечества, может дать двойственный эффект — как положительный, так и отрицательный. Американский генетик Крейг Вентер настаивает на том, что возможна полная расшифровка генома человека и создание искусственного организма. Эта *цифровая жизнь* сможет воспроизвести ДНК или изменить его форму. Можно сделать «биокирпичики» и создать новые формы жизни. Синтетическая биология, как новая область исследований, может оказать очень сильное влияние на мир, и его последствия невозможно представить.

Кроме транспорта, здравоохранения и образования, изобретения, изменившие нашу жизнь в последнее время, больше всего связаны с информатикой и связью. Стационарный телефон сменился мобильным, вместо библиотек и архивов мы пользуемся Интернетом, и эти

перемены стали крупнейшими технологическими революциями, изменившими образ жизни человека, живущего в глобальном мире, и способы познания мира.

Скорость этих перемен (система Google была создана всего 20 лет назад) еще больше усложняет оценку практических и психологических последствий появления медиа, которые стали доступны гражданам. Дело не только в возможности общаться, находясь в любой точке мира, или в том, что информация передается мгновенно, но и в аккумулировании знаний и возможности мгновенно и автоматически извлечь их из коллективной памяти без каких-либо умственных или физических усилий. Все знания человечества собраны, сохраняются и доступны любому гражданину бесплатно. Это мир больших данных.

Мы все имеем доступ к огромным объемам информации, при этом не требуется быть экспертами или специалистами; все открыто для всех, и *конфиденциальность и невмешательство в частную жизнь* считаются устаревшим снобизмом. Новые поколения по-другому относятся к *интимности*, они даже получают удовольствие от демонстрации интимного другим (в сетях Facebook, Twitter и т. д.). Эти перемены больше всего влияют на индивидуальное и коллективное поведение в обществе. Вместе с огромными преимуществами, которые предоставляют технологии, следует учитывать риски, порождаемые отсутствием национального или интернационального регулирования протоколов и процедур.

Однако и цифровой мир не смог преодолеть неравенство между обществами, а *цифровая пропасть* значительно расширяется. Парадокс в том, что информационные технологии должны помогать избавляться от многих различий и преимуществ олигархии, но пока этого не произошло. Разрыв между богатыми и бедными можно наблюдать и в цифровом мире. Наименее обеспеченным людям, находящимся на периферии общества, доступ к новым технологиям открывается с сильной задержкой. Неравенство — постоянная величина и в цифровом обществе. Однако есть лучики надежды, например широкое распространение мобильных телефонов в африканских странах и за счет этого — расширение всей экономической и общественной жизни для населения этих стран. В частности, они внесли немалый вклад в развитие *мобильного банкинга*, что стало настоящей революцией и фактором прорыва в финансовых транзакциях, как это произошло в Кении.

В *сетевом обществе* возникают и другие вызовы, о чем свидетельствует *кибершпионаж* в США и раскрытие информации о том, что Google, Facebook, Yahoo, Microsoft, Apple открыли ФБР и Агентству национальной безопасности доступ к данным своих пользователей при помощи сложной системы *Prism*. Эта неловкая для американской администрации ситуация стала доказательством безнаказанности.

Эрик Садин предупреждает, что подобная практика угрожает частной жизни, и указывает на то, что *кибершпионаж, который внедряется в любое время, в любом месте и в различных формах и которому иногда помогает наше согласие, — это «тривиализация*

современной бдительности». Пророчество из книги «1984» Джорджа Оруэлла, касающееся *Большого Брата*, становится реальностью.

Недавние открытия, в частности связанные с физикой, несомненно, углубили этот антропологический разрыв. В данной дисциплине достигнут значительный прогресс, от теории *Большого взрыва* до успехов лабораторий ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям), касающихся скорости света и *бозона Хиггса*. Особо следует упомянуть открытия лауреата Нобелевской премии американского физика Мюррея Гелл-Манна, связанные с теориями *элементарных частиц и кварками*. Может существовать что-то меньшее, чем самые маленькие частицы. *Кварки* — это частицы, из которых состоят адроны. Таким образом, кварки, антикварки и глюоны были представлены как элементарные «скрытые» объекты в структуре адронов. Самая важная часть этого описания — не открытие самых маленьких и простых частиц, а взаимодействие частиц между собой, что привело к разработке теории *сложных систем*. Эта теория объясняется в научно-популярной книге «Кварк и ягуар: приключения в простом и сложном». По мнению Гелл-Манна, мир *кварков* имеет много общего с тем, как ягуар по ночам передвигается кругами.

Это великий парадокс XXI века: *сложность* реальности оказывает парализующее воздействие на нас перед лицом почти бесконечного потока информации и знаний, что мешает упрощению реальности и фактов, необходимых для правильных и эффективных действий в различных измерениях. Это, несомненно, крупнейший вызов обществу в начале нынешнего столетия. В связи с этим Эдгар Морин называет *сложность* и *неуверенность* важными элементами перспективной политики, хотя эти барьеры не мешают ему увидеть проблески лучшего будущего. Действия политиков могут изменить направление или конечную цель процессов и благодаря непрекращающимся усилиям, хотя некоторые из них могут оказаться бесполезными, создать лучший мир¹.

Научные достижения и их воздействие на общество лежат в основе новых моделей поведения и устремлений граждан во всем мире. Чем быстрее мы сформулируем смысл новых форм общения, тем лучше сможем организовать политически — как в национальных, так и международных масштабах.

Новое мировое регулирование

Трудно рассуждать о реалиях, оказывающих влияние на международное сообщество, не упоминая о процессах так называемой глобализации. Никто не спорит, что термин «глобализация» — это одна из концепций, которые в настоящее время повторяются чаще всего. Большинство определений и самые острые вопросы упоминаются с прилагательным «глобальный». Термин нельзя исключить или упустить из виду, когда речь идет о «мировом регулировании».

Таким образом, глобализация — это факт, и необходимо подчеркнуть, как это делает Гильермо де ла Дехеза, что «она не служит бесконечным источником

преимуществ, в защиту которого должно выступать человечество, и к тому же, как говорят, она не виновата в наших пороках и ошибках». Таким образом можно утверждать, что ни *глобалофилия*, ни *глобалофобия* не являются полностью оправданными.

Выступать против глобализации глупо. Она есть и никуда не исчезнет. Однако серьезные споры и критика до сих пор продолжаются, особенно обострившись после недавнего экономического и финансового кризиса, и касаются антигуманной глобализации. Глобализацию обвиняют в том, что она является причиной подъема популистских движений. Это в основном протекционизм и отказ от свободной торговли, поскольку вопрос о регулируемой глобализации еще не поднимался. Взаимозависимость различных территорий на планете — это факт, не подвергаемый сомнению, и никто не сможет закрыть свои ворота от мира, в котором не существует заборов. Новые формулы не дадут результатов, будь они реальные или фейковые, и не предотвратят распространения торговли, знаний или информации. Свободное передвижение людей, товаров, капиталов или идей нельзя остановить.

Независимо от того, как сильно различные режимы пытаются защитить свои рынки или идентичность, современный мир и технологии в конце концов подчинят их себе.

Поэтому необходимо как можно скорее начать регулировать глобализацию. Хотя, как кажется, так называемой экономической глобализации не требуется специальное регулирование, результаты и последствия этой необузданной глобализации вызвали довольно широко распространенное неприятие ее в большинстве стран, включая самые развитые.

Мы должны прояснить место, занимаемое процессами глобализации в регулировании внешней политики. Давно ушли в прошлое те времена, когда *либералы* утверждали, как, например, говорил Чарльз Остин Бирд, что *внешняя политика — это часть внутренней политики, неизбежная часть, и последняя определяет первую. Внешняя политика государств — это функция их внутренней политики, от нее зависят война и мир. Таким образом внутреннее положение просто переносится на международную арену. Демократия — это мир, автократия — это война...*² Сегодня все изменилось. Процессы, достигающие международных масштабов, воздействуют на национальные практики и меняют их. Глобализация вторглась в политическое пространство, а важнейшие вопросы, влияющие на будущее безопасности человечества, имеют глобальные масштабы: глобальное потепление, энергетический кризис, производство продуктов питания, борьба против изменения климата, международный терроризм, эмиграция, природные катастрофы, пандемии... Они не только составляют повестку дня национальной политики, но и заставляют национальные государства включать эти вопросы в свою политику, в то время как до настоящего времени они только передавались для включения в международную повестку и лишь время от времени требовали организации международных научных конференций.

¹ OÙ va le monde.

² H. J. Morgenthau.

Если, как утверждает Эдвард Х. Карр, *Лига Наций была попыткой применения принципов локкианского либерализма к построению машины международного порядка*, то сегодня мы сталкиваемся с новым вызовом, и это глобальная, ориентированная на солидарность мысль, которая требует нового международного регулирования. Национальные государства больше не решают важные вопросы и не защищают общественные блага, принадлежащие всему человечеству, это делают другие структуры и органы, способные ответить на новые вызовы. Поэтому любая политическая позиция в XXI веке должна учитывать все реалии международной повестки дня, чтобы ответить на устремления каждого из государств и их граждан настолько адекватно, насколько это возможно.

Неспособность нынешних организационных структур справиться с переменами и вызовами выглядит очевидной. Поэтому одним из приоритетов должна быть радикальная, срочная и глубокая реформа международных институтов. В этом смысле было бы целесообразно, чтобы в центре внимания оказалась Организация Объединенных Наций.

Новые центры притяжения

В начале нового столетия наиболее значимой для современности является глубокая трансформация системы. Равновесие сил серьезно изменилось, и теперь мы сталкиваемся с миром, кардинально отличающимся от мира в XX веке.

В первое десятилетие этого столетия появилась асимметрия новых центров притяжения международной политики. Миром больше не правят из Вашингтона, Москвы, Парижа или Лондона. Больше нет единственного центра силы, а есть ряд зон влияния, демонстрирующих множество действующих лиц, представителей и посредников, важных для международного сообщества. Давно ушли в прошлое десятилетия биполярности, когда две супердержавы делили мир. В прошлом остались и те дни, когда *американская сверхдержава* верила, что пришел конец истории, и ее военное, политическое, идеологическое, культурное и экономическое превосходство распространится на весь мир. Обрушения башен-близнецов *Всемирного торгового центра* в Нью-Йорке оказалось достаточно, чтобы рухнула вся архитектура *американской гегемонии* и доверие к силе империи было поставлено под вопрос. После этого начался новый этап, в котором самым заслуживающим внимания элементом является отсутствие знания о том, кто правит миром. Этого не знает никто. Но это точно больше не Соединенные Штаты Америки. Это также и не Китай, по крайней мере пока. Международные организации становятся слабее и распадаются из-за отсутствия доверия, и экономисты и финансисты не гарантируют их будущее, хотя может показаться, что они идут впереди политических решений. Фактически у всех есть небольшое влияние, но никто не правит единолично. Солидарная ответственность в принятии решений — это то, что делает международную реальность еще более сложной.

Евроцентризм и даже западное влияние в мировом регулировании потеряли вес, геополитика перемести-

лась из Европы и Соединенных Штатов в Азию и Тихоокеанский регион, хотя латиноамериканские и африканские страны требуют нового места в международном порядке, где заметное положение занимает Китай.

Выход Китая на передовые позиции — одно из самых значимых событий в начале XXI века. Хотя нам не хватает исторической перспективы для его оценки, огромные перемены, произошедшие в этом азиатском гиганте, под вопрос не ставятся. Эти перемены все еще продолжаются и, хотя в их направлении нет определенности, несомненно, эти перемены во многом определяют эволюцию этой страны, а также будущего Азиатского региона и всего мира.

Азия стала — или снова становится — центром экономической динамики и мировой геополитики. Азия, Тихоокеанский регион и зона Индийского океана реализуют самые важные сценарии в мировой экономике и международных отношениях на глобальном уровне. В Азии и окружающих регионах пытаются понять и осознать подъем Китая как державы, имеющей огромное значение. Здесь потенциально может разгореться немало конфликтов, и всем необходимо внимательно следить за политикой Китая в регионе, чтобы понимать направления его глобальной стратегии.

Эта впечатляющая экономическая эволюция повлекла за собой крупнейшие социальные и культурные перемены. В настоящее время в Китае уже есть большой и продолжающий расти жизнеспособный и энергичный средний класс, который демонстрирует свою покупательскую способность по всему миру. Этот факт вместе с феноменом семьи с одним ребенком, родители которого лелеют его и стремятся всеми силами развивать, помогает понять глубокие социальные и экономические перемены, которые включает эта политика. Все *единственные дети* захотят стать лучшими в своих областях, а их уровень агрессии на социальной лестнице будет выше, чем тот, который в настоящее время наблюдается в западных обществах.

В контексте экономического прогресса, социального развития и относительной привлекательности так называемой *китайской модели* страна вышла на региональную и мировую арену, но сделала это плавно и гармонично, чтобы не обидеть соседей. Это были *золотые годы* Китая в Азии, где он стал экономической державой, но вместо того, чтобы настораживать, его подход удивлял и вызывал восхищение.

Несомненно, последующие взлеты и обвалы на Китайской Пекинской бирже логичны и отражают влияние и давление *финансовых рынков* на китайскую экономику, неспособную избежать экономической и финансовой взаимозависимости, как и любая другая страна. Однако этот *предупреждающий сигнал* о слабостях китайской экономической системы не должен привести к поспешным или ошибочным выводам о будущем потенциале азиатского гиганта. В этом смысле, несмотря на логические противоречия, которые всплывут в будущем в обществе, погруженном в динамику перемен и прогресса, таком как китайское, нельзя игнорировать продвижение вперед и потенциальные возможности, которые китайская модель приносит в международное сообщество.

Страны Латинской Америки также предложили модели и решения для того, чтобы избежать *Великой рецессии*, с разной степенью успеха. Этот регион смог поддерживать стабильный рост около 5 % в год, но самым важным является начало модернизации экономики. В латиноамериканских экономиках наблюдалось некоторое замедление из-за многочисленных факторов, но высокий потенциал региона остается бесспорным. Экономика Южной Америки (особенно Бразилия), Центральной Америки и стран Карибского бассейна должны адаптироваться к политике устойчивого развития и рационального использования ресурсов и пересмотреть свои модели, чрезмерно связанные с сырьевыми отраслями и *попытками найти мифическую страну Эльдорадо на Амазонке*. Новые взаимоотношения между Кубой и США также требуют особого упоминания как фактор оживления и экономического толчка для региона.

Мы имеем конкурентные преимущества, потому что знаем и уважаем наших латиноамериканских партнеров, и совместно можем построить экономическую зону инновационной кооперации. По обе стороны Атлантики наблюдается нехватка скоординированных исследований, разработок и инвестиций, институтов и производственных мощностей. Южно-Атлантический альянс, подобный Тихоокеанскому, мог бы стать фактором развития широкого сотрудничества между нашими странами.

Когда мы говорим об Африке, уместно вспомнить слова Федерико Майора Сарагосы. Он сказал, что *«африканский континент — не бедный, а обедневший континент»*, и что *«Африка — это не старый континент, а молодой, динамичный, полный жизненных сил и обещаний»*. Независимо от того, говорим ли мы о будущем, сырье, энергии, миграционных движениях, террористических угрозах, болезнях и эпидемиях, у Африки есть много ключей, которые будут открывать или закрывать двери в предстоящие десятилетия.

Новые взаимоотношения с Африкой неизбежны. Время Африки придет, как выразился мыслитель Ахилле Мбембе¹, который выступает за необходимость общего мира и предлагает различные виды политического партнерства. Модели стратегического сотрудничества были проанализированы и разъяснены Средиземноморским институтом прогнозов в мировой экономике (IPEMED) в рамках проекта *«Вертикаль: Африка–Средиземноморье–Европа»*.

После десятилетий отчаяния на континенте могут быть написаны новые страницы глобализации, благоприятствующие взлету Африки. Ветры оптимизма дуют в паруса, несмотря на препятствия и травмирующие реалии, несмотря на тот факт, что континент пока не может прокормить всех своих граждан и уровень бедности остается неприемлемым. Несмотря на все это, можно заметить пробуждение Африки, законно требующей свое место в новом мировом порядке. Несмотря на драматические сценарии, на континенте начиная с 2013 года наблюдается устойчивый экономический рост, превышающий 6 %, растет

торговый оборот. Образованный и предприимчивый средний класс насчитывает в целом почти 150 млн человек, и это количество удвоится за годы жизни одного поколения. Также очевидно резкое повышение уровня здравоохранения и образования. Быстро расширяется количество и качество банковских услуг, включая высокотехнологичные, такие как мобильный банкинг. Это позитивные признаки, вселяющие надежду.

Рост мощи Латинской Америки и Африки усиливает тренд на появление новых центров притяжения. Их также нельзя игнорировать, как и центр влияния на Востоке. Поэтому неудивительно, что международные конференции, встречи политиков и дипломатов все чаще проходят не в столицах европейских государств или Америки, а в Дохе, Дубае, Шанхае, Рио-де-Жанейро или Претории. Страны Персидского залива стали геополитическим центром между Востоком и Западом, их авиатранспортные и финансовые услуги привлекают миллионы людей, соперничая с конференциями, проводившимися в Париже, Лондоне, Вашингтоне или Берлине в XIX и XX веках. Однако продолжающийся кризис в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива, связанный с конфронтацией между Катаром и другими членами Совета, отсрочит достижение того значения, которое этот регион мира мог бы иметь. На кон поставлена модель политического развития арабских государств, и, как кажется, выбранный путь не поддерживается ни их лидерами, ни гражданами. Ближний Восток продолжит поиски своего будущего и станет чертить его на геополитическом плане, которому не удастся уйти от экзистенциалистского фатализма.

Мы все хотим, чтобы Ближний Восток жил в мире и процветании, но сегодня это кажется сложным, учитывая факторы нестабильности, существующие в настоящее время.

Однако новые центры влияния не избежали старых признаков, которые возникают вновь. Мы полагаем, что *холодная война* ушла в прошлое, но появляются точки зрения, настроя и действия, которые возвращают нас в серые годы биполярной конфронтации. Кризис на Украине послужил спусковым крючком для этого шага назад, и мы не можем четко увидеть, каким будет результат этого конфликта. Можно предвидеть, что, двигаясь в прежнем направлении, Европа и Россия окажутся в проигрыше, особенно учитывая непреклонность США и сдержанное молчание Китая.

Новые центры влияния, разумеется, не могут игнорировать вес и лидерство США. Они будут действовать по-другому, и хотя американский президент продолжит дискуссии и заявления о необходимости усиления американской супердержавы, ей придется адаптироваться к нынешним условиям и новым центрам силы. Это не означает, что ЕС не должен считать приоритетом серьезные и жесткие переговоры по поводу Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Выполнение этого соглашения станет гарантией поддержки будущих коммерческих интересов европейцев во все более конкурентном мире, где будут нужны стандарты и патенты и где будет иметь значение евро-

¹ Mbembe A. Le temps d'Afrique viendra, j'essaie d'en précipiter l'évènement.

пейская печать, а европейские стандарты и критерии будут соблюдаться.

Однако механизмы для организации международного урегулирования, такие как «Большая восьмерка» или «Большая двадцатка», оказываются бесполезными, когда надо справиться с определенными кризисами — ни в политической и военной областях, ни в экономической и финансовой. Более того, они продемонстрировали, что не могут идти вперед в направлении нового мирового порядка. К настоящему времени не было проведено ни одного совещания и не определен новый мировой порядок на XXI век, подобно *Бреттон-Вудскому соглашению* в XX веке. ООН остро требуется реформа, особенно это касается Совета Безопасности, но дело застопорилось, и будущая конфигурация в настоящий момент все еще висит

в воздухе. Назначение Антониу Гутерреша новым Генеральным секретарем ООН внушает надежду на то, что этот процесс может возобновиться и пойдет более решительно.

При таком положении дел очевидно, что в постоянно меняющемся мире есть международные общественные блага и интересы, глобальные вызовы и настоятельная необходимость адаптировать структуру управления под эти реалии. Пока только крупнейшие деятели или региональные организации могут в большей или меньшей степени организовать свой *modus vivendi* (образ жизни — *лат.*) в ожидании большого пожара такого размера, который трудно предвидеть, или какого-либо другого события мирового масштаба, которое разбудит их и заставит выйти из безответственного сомнамбулизма.